

Микитюк С. С.

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры иностранных языков № 1

*Национальный юридический университет имени Ярослава Мудрого
г. Харьков, Украина*

БАЛЛАДНАЯ ПОЭТИКА Д. МАЛЛЕТА И Т. КЕМПБЕЛЛА В ПЕРЕВОДАХ В. А. ЖУКОВСКОГО

Английская литература конца XVIII – начала XIX вв. была новаторской не только в области содержания, но и в области формы, что представляло огромный интерес для В.А. Жуковского. Именно жанровыми поисками русского поэта 1808-1814 гг., универсальной формой выражения которых стала баллада, своеобразный поэтический эквивалент его романтической эстетики, и объясняется особое внимание к литературе английского предромантизма.

Следует заметить, что до В.А. Жуковского рецепция англо-шотландской баллады в русской литературе носит единичный характер, а баллада не воспринимается как отличный от других жанр. Именно баллады В.А. Жуковского стают началом развития нового жанра на русской почве, а

сам переводчик становится законодателем переводческих норм по освоению этого жанра.

Перевод в 1812 году баллады «Пустынник» О. Голдсмита открыл в творчестве В.А. Жуковского целый цикл западноевропейских романтических баллад о любви, восстающей против предрассудков и запретов, о любви сильнее смерти и всяких фантастических испытаний. В этих балладах поэт передавал мятеж человеческих душ перед натиском судьбы, открывал русскому читателю целый мир новых страстей и эмоций, очень тонко и психологически верно показывал переход общества к новым представлениям о жизни и морали. Главным в них был новый характер мироощущения. Героями баллад Жуковского становились люди с пробудившимся чувством личности. Вот почему в центре его повествований оказывается столкновение героя с судьбой, своеобразный бунт против предопределенного пути.

В 1814 году предметом интереса В.А. Жуковского становится творчество Дэвида Маллета – шотландского поэта и драматурга. Русский поэт переводит балладу «Edwin and Emma», одно из самых ярких произведений английского предромантизма, ставшего наряду с другой балладой Д. Маллета «William and Margaret» («Уильям и Маргарет»), хрестоматийным. До В.А. Жуковского в России стихотворный перевод этой баллады был выполнен С.С. Бобровым в 1806 году. В оригинале тексту предшествует эпиграф из «Двенадцатой ночи» У. Шекспира и авторская сноска при названии: «Отрывок из письма юре из Боуэса в Йоркшире по поводу сюжета этого стихотворения». В.А. Жуковский опускает и эпиграф и отрывок из письма, придававший балладе некоторую описательность. Сюжет баллады имел для переводчика автобиографический смысл. На близость сюжета душевной драме самого поэта указывал К.-К. Зейдлиц: «В балладе «Эльвина и Эдвин» мы читаем как будто содержание разговоров Жуковского с Екатериной Афанасьевной:

С холодностью смотрел старик суровый

На их любовь, на счастье двух сердец.

Расстаньтесь! – роковое слово

Сказал он наконец.»

[2, с. 64].

В 1814 году обостряются отношения Жуковского с В.А. Протасовой – поэт дает обещание не намекать на чувство к ее дочери. Работа над балладой Д. Маллета становится не просто переводом: заимствуя сюжет английской баллады, русский переводчик повествует о своей душевной драме. В связи с этим поэт опускает отдельные детали сюжета, не имеющие отношения к его истории. В частности, нет в переводе упоминания о злой и завистливой сестре юноши (поэт опускает 9 строфу оригинала). И вводит новые мотивы, сосредоточивающие внимание на чувствах героев, максимально усилив эмоциональную напряженность баллады. Появляется мотив дочерней любви (намек на отношения между М. Протасовой и ее матерью): Эльвина, узнавшая о смерти возлюбленного, просит прощения и благословения матери, сожалея о том, что покидает ее:

«Прости, все кончилось! – сказала –
Мой ангел улетел!
Благослови... зовут ... иду к Эдвину ...
Но для тебя мне жаль покинуть свет».
[1, с. 325].

В образе матери проскальзывает едва уловимый оттенок собственнической, эгоистической любви. Да, она молится об одном: «Все блага жизни ей». И все же зрит в ней «подпору дряхлых лет». Единственная мечта героини Д. Маллета – увидеть свою дочь благословенной и умереть («only wish on earth was now to see her bless'd and die»).

Баллада «Эльвина и Эдвин» В.А. Жуковского – гимн любви двух родственных душ:

О! Сладко жить, когда душа в покое
И с тем, кто мил, начав, кончаешь день:
Вдвоем и радость вдвое...
[1, с. 321].

Тема судьбы, рока определяет драматизм характеров и конфликт баллады. Земные желания и чувства героев, их мечты о счастье сталкиваются с неумолимой силой социальных обстоятельств и как следствие этого – атмосфера боренья жизни и смерти. Герои баллады, бросая вызов предрассудкам и запретам, оказываются победителями.

К теме всепобеждающей любви возвращается В.А. Жуковский и в 1833 году в Верне – поэт переводит балладу Т. Кемпбелла «Уллин и его дочь» («Lord Ullin's Daughter»). И снова мотив отцовского запрета и запоздалого раскаяния. Грозная пучина пожирает челн с возлюбленными «при крике жалобном Уллина».

Л. Хирн, анализируя эту балладу, писал, что «можно разобрать любую строфу на части, как часовой механизм, полюбоваться мастерством и сложить снова, так и не найдя недостатков» [3, с. 641]. К. Обер и В. Обер, изучая перевод В.А. Жуковского, приходят к выводу, что, как часто бывает у Жуковского, его перевод «Дочери лорда Уллина» превосходит оригинал [4, с. 81]).

Традиционно в переводе русский поэт опускает топографические детали оригинала. Сократив свой перевод, он достигает необыкновенной лаконичности и стремительности повествования, убирает ненужные детали, углубляет описания.

Переводчик сокращает 14 строф оригинала до 11, опуская описание погони (частично III и IV строфы) и бури (VI, VII) и уменьшая диалог между рыбаком и героем, таким образом придавая повествованию стремительность и напряженность: кипит злая пучина, слышен зловеший храп коней и стук мечей о броню:

И смерть ото всюду им: открыт
Пред ними зев пучины жадный;
За ними с берега грозит
Уллин, как буря беспощадный.
[1, с. 455].

Повествование Кэмпбелла менее динамично:

«O haste, thee, haste!» the lady cries,
Though tempests round us gather;
I'll meet the raging of the skies,
But not an angry father.»

[1, с. 454].

(«О, поспешите, поспешите! – закричала леди.

И хотя на нас надвигается буря,

Я встречу гнев небес, а не разъяренного отца»).

У Жуковского нет времени на восклицание героини, нет и на описание шлюпки, покинувшей грозный берег и пустившийся в штормовое море («the boat has left a stormy land, a stormy sea before her»), слишком близок и зловещ Уллин:

Уллин ко берегу прискакал

Он видит: дочь уносят волны

[1, с. 455].

Напрасны его крики отчаяния:

Ревет гроза, черна как ночь;

Летает челн между волнами ...

Но волны лишь в ответ шумят.

[1, с. 455].

У Т. Кемпбелла громкие волны, ударяющиеся о берег, препятствуют возвращению и помощи («the loud waves lash'd the shore, return or aid preventing»).

В.А. Жуковский персонифицирует своих героев. Героиня русской баллады, в отличие от оригинала, получает имя Мальвина, которое появляется не сразу, а в процессе повествования, в IX строфе перевода:

Мое дитя, назад, назад!

Прощенье! возвратись, Мальвина

[1, с. 457].

Имена для героев своего перевода русский переводчик заимствовал из оссиановских произведений в обработке Дж. Макферсона. Единственное имя в английской балладе – Уллин (Ullin) – было использовано Дж. Макферсоном в его цикле стихотворений Оссиана как синоним Ольстера (Ulster), а также как имя барда в эпической поэме «Фингал» («Fingal: An Epic Poem»). Откуда, возможно, и было Т. Кемпбеллом заимствовано имя героя.

Баллады В.А. Жуковского, переведенные из английских поэтов-предромантиков, вносили в русскую поэзию необычайный накал этической

проблематики, поднимали вопрос человеческого поведения и выбора между добром и злом.

Поэтика баллад английского предромантизма, характеризующаяся непринужденной легкостью повествования в сочетании с эмоциональным лиризмом, вела к реорганизации В.А. Жуковским «балладного» слога и готовила зарождение в творческой системе русского поэта романтической баллады.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуковский В.А. Зарубежная поэзия в переводах В.А. Жуковского. – М.: Радуга, 1985. – Т. 1. – 606 с.
2. Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А.Жуковского / К.К. Зейдлиц. – Пб., 1883. – 256 с.
3. Hearn L. Complete Lectures on Poets / L. Hearn. – Tokyo : Hokuseido, 1934. – 416 p.
4. Ober, K. H. Zhukovskij's Translation of Campbell's «Lord Ullin's Daughter» / K. H. Ober, W. U. Ober // Germano-Slavica. A Canadian Journal of Germanic and Slavic Comparative and Interdisciplinary Studies. – 2005. – № 1. – P. 73–81.